

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ БЕРДЯЕВ

ФИЛОСОФИЯ СВОБОДНОГО ДУХА

ПРОБЛЕМАТИКА И АПОЛОГИЯ ХРИСТИАНСТВА

ORTHODOX LOGOS PUBLISHING

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ БЕРДЯЕВ

ФИЛОСОФИЯ СВОБОДНОГО ДУХА

ПРОБЛЕМАТИКА И АПОЛОГИЯ ХРИСТИАНСТВА

ORTHODOX LOGOS PUBLISHING

ФИЛОСОФИЯ СВОБОДНОГО ДУХА
Проблематика и апология христианства

Николай Александрович Бердяев

© 2025, Orthodox Logos Publishing, The Netherlands

www.orthodoxlogos.com

ISBN: 978-1-80484-199-0

This book is in copyright. No part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval system or transmitted in any form or by any means without the prior permission in writing of the publisher, nor be otherwise circulated in any form of binding or cover other than that in which it is published without a similar condition, including this condition, being imposed on the subsequent purchaser.

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ БЕРДЯЕВ

ФИЛОСОФИЯ
СВОБОДНОГО ДУХА

ПРОБЛЕМАТИКА И АПОЛОГИЯ ХРИСТИАНСТВА

ORTHODOX LOGOS PUBLISHING

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление	7
Мятежный апостол свободы	9
Философия свободного духа Проблематика и апология христианства	26
Введение	26
Часть первая	39
Глава I. Дух и природа	39
Глава II. Символ, миф и догмат	88
Глава III. Откровение, вера, ступени сознания	123
Глава IV. Свобода духа	153
Глава V. Зло и искупление	196
Часть вторая	227
Глава VI. Бог, человек и богочеловек	227
Глава VII. Мистика и духовный путь	278
Глава VIII. Теософия и гнозис	308
Глава IX. Духовное развитие и эсхатологическая проблема	342
Глава X. Церковь и мир	367
Примечания	402
Биография: Николай Александрович Бердяев	417

ВСТУПЛЕНИЕ

«Философия свободного духа» Николая Александровича Бердяева – это уникальное произведение, которое раскрывает природу человеческой духовности и свободы. Эта книга является логическим продолжением размышлений автора, начатых в его предыдущих трудах, таких как «Философия свободы». В центре внимания Бердяева – поиск путей, которые ведут к подлинному освобождению духа, к преодолению ограничений, налагаемых внешними условиями и внутренними страхами.

Для Бердяева свобода – это не абстрактное понятие, а живая, сущностная категория, определяющая не только человеческое существование, но и его отношение к миру, другим людям и Богу. В «Философии свободного духа» он углубляется в темы, касающиеся творчества, метафизики зла, эсхатологии и роли личности в духовной трансформации мира. Его размышления пронизаны экзистенциальной глубиной и чувством неразрывной связи между свободой и духовной ответственностью.

Исторический контекст написания книги также играет важную роль в её понимании. Бердяев жил в эпоху глобальных потрясений: революций, войн и массовых миграций, которые ставили под сомнение традиционные ценности и принципы. Именно в этот период философ осмысливал не только судьбу России, но и универсальные законы человеческого бытия. В своей книге он стремился найти ответы на вопросы: как сохранить достоинство и свободу духа в условиях внешнего хаоса? Какова

роль творчества в преодолении кризисов? Как духовная свобода соотносится с божественной волей?

Книга обращена ко всем, кто ищет ответы на глубокие философские и духовные вопросы. Её уникальность заключается в том, что Бердяев не просто анализирует категории, но и предлагает пути для личностного роста, духовного самопознания и достижения гармонии с окружающим миром. «Философия свободного духа» – это приглашение к размышлению, диалогу и поиску истины.

ФИЛОСОФИЯ СВОБОДНОГО ДУХА¹⁴.

ПРОБЛЕМАТИКА И АПОЛОГИЯ

ХРИСТИАНСТВА

Но настанет время и настало уже, когда истинные поклонники будут поклоняться Отцу в духе и истине, ибо таких поклонников Отец ищет Себе; Бог есть дух, и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине¹⁵.

ВВЕДЕНИЕ

Л. Блуа в книге «Le Pelerin de l’Absolu» говорит: «Souffrir passe, avoir souffert ne passe jamais»¹⁶. Смысл этого замечательного афоризма нужно расширить. Можно преодолеть то, что пережито в опыте жизни, но самый пережитый опыт навеки остается достоянием человека, расширенной реальностью его духовной жизни. Зачеркнуть самый факт испытанного нет никакой возможности. В претворенном и преображенном виде испытанное продолжает существовать. Опыт жизни, борения духа созидают образ человека. Человек не есть окончательно готовое и законченное существо, он образуется и творится в опыте жизни, в испытаниях своей судьбы. Человек есть лишь Божий замысел. Прошлое преодолимо и победимо, оно может быть искуплено и прощено. Этому учит нас христианство. Возможно рождение к новой жизни. Но во всякую новую преображенную жизнь входит испытанное, не исчезает бесследно пережитое.

Пережитое страдание может быть преодолено и может наступить радость и блаженство. Но и в новую радость и блаженство таинственно войдет пережитое страдание. Радость и блаженство будут иными, чем до пережитого страдания. Муки сомнения могут быть преодолены и побеждены. Но в обретенную веру таинственно войдет испытанная глубина сомнений. Такая вера будет иного качества, чем вера людей, не знавших сомнений, верующих по наследству, по рождению, по традиции. Человек, много путешествовавший по духовным мирам, много испытывавший в своих блужданиях и исканиях, будет иметь другую духовную формацию, чем человек оседлый в своей духовной жизни, не встречавший в своем пути разных миров.

Человек связан своей судьбой и не властен уйти от нее. Моя судьба есть всегда особенная, неповторимая, единственная и единая судьба. В опыте *моей* жизни, в ее испытаниях и исканиях образуется формация моего духа. И в высшие достижения моей духовной жизни, в мою веру, в обретенную мной истину входит испытанное мной, я обогащен своим опытом, хотя бы опыт этот был мучителен и ужасен и я должен был победить разверзшуюся в нем бедну силами не только человеческими. Когда человек приходит к Богу после пережитого опыта богоотступничества, ему ведома бывает такая свобода в обращении к Богу, какой не знает тот, кто через всю жизнь прошел со своей безмятежной традиционной верой, кто послушно жил в наследственном родовом имени. Страдание проходит, но то, что страдание было пережито, не проходит никогда. Пережитый опыт проходит, но то, что он был пережит, не проходит никогда. Эта истина верна и в отношении к отдельному человеку, и в отношении к человечеству, к человеческим обществам.

Мы живем в переходную эпоху духовных кризисов, когда многие странники возвращаются к христианству, к вере отцов, к Церкви, к православию. Возвращаются люди, пережившие опыт новой истории, в котором дошли они до последних пределов. Души конца XIX и

начала XX века – трагические души. Это – новые души, из которых нельзя искоренить последствий пережитого ими опыта. Как встречают странников, возвращающихся в Отчий Дом? Слишком часто не так, как встретил Отец блудного сына в евангельской притче. Слишком слышен голос старшего сына, который гордится тем, что всегда оставался при отце и служил ему. А ведь среди странников и скитальцев духа были не только распутные, но были и алчущие и жаждущие правды. И перед лицом Божиим они будут более оправданы, чем гордящиеся своей фарисейской праведностью, чем все неисчислимые христиане – буржуа, чувствующие себя собственниками больших имений в жизни религиозной.

Душа человека стала иной, чем была тогда, когда впервые принимала христианство, когда учили великие учителя церкви и догматизировали вселенские соборы, когда создавали монашество, когда господствовало средневековое теократическое государство и выковывался средневековый и византийский тип религиозности. Это изменение и уточнение психеи совершилось прежде всего под влиянием таинственного и часто незримого, глубинного действия самого христианства. Христианство изнутри побеждало варварство и грубость души, образовывало человека.

На мучения и вопрошания Ницше нет ответа в катехизисах и поучениях старцев, они требуют творческого восполнения в христианстве. Все наше религиозно-философское движение последних десятилетий прошло через опыт, который неизгладим, и который не может не обогащать христианства. И это не связано со степенью достижения личного совершенства или святости. Между тем как реакционная церковность (не Церковь) противится творческой религиозно-философской мысли, отрицает ее. Традиционно настроенный православный мир все еще не сознает, что христианство перестает быть религией простецов по преимуществу и принуждено обратиться к более сложным душам и раскрыть более сложную духовность.

Те, которые познали безмерную свободу духа и в свободе вернулись к христианской вере, те не могут зачеркнуть и изгладить из своей души этот опыт, не могут объявить его не бывшим. Опыт свободы с его внутренней диалектикой, с трагической судьбой, которую он несет с собой, есть опыт особого качества внутри христианства. Кто на путях свободы, имманентно преодолел соблазны и искушения гуманизма, изблещал пустоту человекобожества, не может уже никогда, на веки веков отказаться от той свободы, которая провела его к Богу, от того имманентного опыта, освободившего его от диавола. Спор о религиозной свободе нельзя ставить на отвлеченную почву и обсуждать его статически. Я через свободу, через имманентное изживание путей свободы пришел к Христу. Моя христианская вера не есть вера бытовая, родовая, традиционно полученная по наследству, она есть вера, добытая мучительным опытом жизни, изнутри, от свободы. Я не знаю принуждения в своей религиозной жизни, не знаю опыта авторитарной веры, авторитарной религиозности. Можно ли возражать против этого факта догматическими формулами или отвлеченными богословскими теориями? Такой способ аргументации всегда будет для меня жизненно неубедительным.

Свобода привела меня ко Христу, и я не знаю других путей ко Христу, кроме свободы. Я не один в этом опыте. Те, которые ушли от христианства авторитета, могут вернуться лишь к христианству свободы. Это есть опытная, динамическая истина жизни, и ее совсем не нужно связывать с тем или иным пониманием отношения между свободой и благодатью. Это – вопрос совсем другого порядка. Пусть благодать привела меня к вере, но благодать эта пережита мной как свобода. Те, которые через свободу пришли к христианству, несут с собой в христианство особый дух свободы. Их христианство не есть уже бытовое, наследственно-родовое христианство, их христианство неизбежно более духовное христианство, в духе рожденное, а не в плоти и крови. Опыт свободы духа неизгладим, хотя своеволие может и должно

быть преодолено. Люди авторитарного, наследственного типа религиозности всегда будут плохо понимать людей, пришедших к религии через свободу, через имманентное изживание трагического опыта жизни. Религиозная жизнь проходит через три типические стадии: 1) через стадию объективную, народно-коллективную, природно-социальную; 2) через стадию субъективную, индивидуалистически-личную, душевно-духовную и 3) на вершине подымается до преодоления противоположности между объективным и субъективным и достигает высшей духовности. Появление христианства в мире предполагало переход от объективно-народной религии к религии субъективно-индивидуалистической. Но в дальнейшем христианство осело и кристаллизовалось, как религия объективно-народная, социально-коллективистическая. Ныне переживает кризис именно эта форма христианства. Религиозная жизнь проходит через субъективно-индивидуалистический фазис, который не может быть последним и должен быть тоже преодолен.

Есть два типа душевного устройства, которые сталкиваются на протяжении всей человеческой истории и с трудом понимают друг друга. Один из этих типов принадлежит коллективу, социальному большинству, и он внешне преобладает в истории; другой принадлежит духовной индивидуальности, избранному меньшинству, и значение его в истории более сокровенное. Условно можно было бы сказать, что это «демократический» и «аристократический» духовный тип. Социалисты говорят, что привилегированное меньшинство всегда в истории человеческих обществ эксплуатировало обездоленное большинство. Но есть другая истина, истина более глубокая и более сокрытая от внешнего взора: коллектив, количественное большинство всегда в истории эксплуатировало и насилвало, притесняло и гнало качественное меньшинство, духовные индивидуальности, имевшие эрос божественного, устремленные к горнему миру. История создавалась для среднего массового человека, для коллектива. Для него, для этого среднего чело-

века, человека коллектива, создавались государство, семья, правовые учреждения, школа, бытовой уклад, даже внешняя организация Церкви, к нему приспособлялись познание, мораль, религиозные догматы и культ. Он, этот средний, массовый человек, человек коллектива, был господином истории, и он всегда требовал, чтобы все делалось для него, чтобы все считалось с ним, с его уровнем и его интересами. «Правые» и «левые», консерваторы и революционеры, монархисты и социалисты одинаково принадлежат этому коллективистическому «демократическому» типу. Правые, консерваторы, монархисты, защитники во всем авторитета не менее «демократичны», чем те, которые именуют себя «демократами». Для социального коллектива, для среднего массового человека создают монархии, укрепляют иерархический авторитет, охраняют старый бытовой уклад, так же как для него же делают революции, отрицают все авторитеты и разрушают старый бытовой уклад. Абсолютные монархии и социалистические республики одинаково нужны для масс, одинаково приспособлены для среднего человека. Этот средний массовый человек, человек коллектива так же господствовал в дворянстве, как господствует в буржуазии, в крестьянстве и в рабочем классе. Для духовной аристократии никогда не создавались государства, не вырабатывался быт, не создавались методы познания и творчества. Святым, пророкам и гениям, людям высшей духовной жизни, людям истинного творчества совсем не нужны монархии и республики, охранения и революции, быт и школа. Раса духовной аристократии несет бремя истории не для себя, она подчиняется государствам и революциям, быту и реформам, школе и методу, старому и новому во имя «народа», коллектива, для блага среднего, массового человека. О, конечно, и раса духовной аристократии, и избранные люди, живущие эросом божественного, принадлежат к грешному роду Адама и потому несут последствия греха и должны искупать грех. Люди, принадлежащие к «аристократическому» духовному типу, не могут выпасть из «мира»,

должны нести тяготу, должны служить делу всеобщего освобождения и просветления. Отвратительна гордыня тех людей, которые, сознавая себя принадлежащими к высшей породе и с презрением относясь к малым сим, не хотят помочь миру подняться. Но горька и трагична судьба в мире людей «аристократического» духовного типа, не от них зависят качества их породы, которая не приспособлена ни к какому строю жизни и строю мысли среднего массового человека. Раса эта бывает унижаема и гонима в истории.

Люди «демократического» типа, обращенные к массам, к созданию жизни для среднего человека, для коллектива, могут обладать, огромными дарованиями. Эта раса может иметь своих великих людей, своих героев, своих гениев и святых. И люди «аристократического» типа, обращенные к иным мирам, к творчеству ценностей не нужных для среднего человека, могут не обладать гением, могут быть ниже по своей силе и своему дару больших людей «демократической» расы. Но люди «аристократической» расы обладают иной духовной организацией, обращенной к иному духовно-творческому миру, организацией более чувствительной, сложной и тонкой, чем более толстокожие люди расы «демократической». Они более страдают от «мира», от его уродства, грубости и низменности, чем люди, обращенные к массам, к коллективу. Даже великие люди «демократического» типа обладают толстокожестью и упрощенностью психеи, которая охраняет их от «мира», в то время как «мир» наносит раны духовным организациям более тонким и сложным, менее приспособленным. Кромвель или Бисмарк были людьми, обладающими толстокожей и упрощенной психеей, как все активные люди дела, все великие государственные люди или великие революционеры. Эту толстокожесть и упрощенность психеи можно обнаружить и у многих учителей Церкви, которые нередко принадлежали к «демократическому» типу.

Для темы этой огромный интерес представляют гностики. Многие гностики могут быть причислены к «ари-

стократическому» духовному типу. Они как будто бы не могли примириться с «демократизмом» церковного христианства, не принимали христианства для среднего массового человека, для коллектива. Вопрос совсем не в том, правы ли были гностики. Церковь имела глубокие основания бороться против гностиков и осудить их. Если бы восторжествовали гностики, то христианство никогда не победило бы в истории, оно превратилось бы в аристократическую секту. На самый вопрос, с которым связан гнозис, очень беспокойный и глубокий вопрос, вечный вопрос, который и для наших дней имеет значение. Абсолютная истина откровения по-разному преломляется и воспринимается в зависимости от духовной организации и духовного уровня восприимчивика. Нужно ли признать абсолютной и неизменной ту форму христианского откровения, которая обращена к среднему, массовому человеку, которая воспринимается средне-нормальной душевной организацией? Должен ли более духовный человек, более сложно и тонко организованный человек, получивший большие дары гнозиса, приспособляться к среднему уровню, понижать свой духовный уровень во имя всех, во имя общности со всем христианским народом? Можно ли соборность отождествлять с народным коллективом? Является ли единый путь стяжания благодатных даров Духа Святого и обретение совершенства духовного, путь святости – единственным мериллом духовного уровня и единственным источником религиозного гнозиса? Это – очень мучительный вопрос, вопрос о религиозном смысле человеческих даров и человеческой даровитости. Он стоял перед гностиками, стоял и перед такими учителями Церкви, как Климент Александрийский и Ориген, которые тоже ведь были своеобразными христианскими гностиками. Вопрос этот стоял перед Вл. Соловьевым и стоит перед религиозным сознанием наших дней. С ним связана проблематика христианского сознания. Должны ли решаться все вопросы христианского сознания и познания в духе христианства простонародного, «демократического» христианства для всех,

для масс, или возможно и допустимо раскрытие более сокровенного, для всех недоступного и ненужного, и есть в христианстве сфера проблематического, область гнозиса более углубленного? «Я питал вас молоком, а не твердою пищей, ибо вы были еще не в силах, да и теперь не в силах, потому что вы еще плотские» (Ап. Павел)¹⁷. «Демократическое» христианство питает молоком, потому что обращено к «плотским». И Церковь свято права, поступая таким образом. Но эта правота Церкви не решает самого вопроса о возможности иного питания, о духовном алкании, не удовлетворенном этим питанием. История человеческого духа и человеческого сознания свидетельствует о том, что качество запросов духа и одаренность духа совсем не прямо пропорциональны совершенству и святости, как их понимает господствующее церковное сознание. Существует естественная иерархия духовных организаций, естественная иерархия духовных дарований. Существуют люди более «духовные» и люди более «душевные». И это совсем не значит, что одни из них более совершенны, более святы, более стяжали себе благодатных даров, чем другие. Людям «духовным» совсем нечем гордиться и превозноситься перед людьми «душевными», – они не лучше и не имеют больше заслуг. В большинстве случаев они более несчастны в этом мире и на них возлагается большее бремя ответственности, они более раздираются внутренними противоречиями и с большим трудом достигают внутренней цельности и единства с окружающим миром. Они более одиноки. Но само различие духовных организаций и дарований определяется Богом, а не выдуманно людьми. Неправда старых гностиков, людей замечательных и искавших высшего мира, неправда, обличенная Церковью, была в их духовной гордыне. Они так и не могли принять и понять, что Христос принес благовест о спасении и пришествии Царства Божьего для всего мира, для всех и для вся. Раса «пневматиков» оставалась для них на веки веков отдаленной от расы людей «душевных» и «плотских». «Душевные» и «плотские» не могли под-

няться до горнего духовного мира, они обречены были остаться в низинах, для них искупление и спасение не совершалось. Претворение и преображение низшего в высшее было недоступно гностическому сознанию. И потому они никогда не стали истинными христианами, остались полу христианами. В этом гностики родственны язычнику Плотину, хотя Плотин, последний великий представитель эллинского духа, и враждовал с гностиками. Вл. Соловьев очень хорошо сказал, что для гностика мировой процесс остался бесприбыльным, потому что в нем низшее не преображается в высшее. «Духовное», отделившись от остального мира, отлетает на вершины, «плотское» же ниспадает в низины. Но так ничего не достигается, потому что «духовное» и так принадлежит высшему миру, а «плотское» миру низшему. Гностики не познали тайны свободы, свободы во Христе, как не познали и тайны любви. Это есть безнадежный дуализм, нарушающий подлинный органический иерархизм бытия. Гностики неверно понимали иерархический принцип. Они не понимали истинного иерархизма, на котором покоится христианская вселенскость: самая высокая иерархическая ступень органически связана с самой низшей иерархической ступенью и служит делу всеобщего спасения и преображения. Высший гнозис людей «духовных» нужен для дела спасения и преображения людей «плотских». Люди «духовные» должны не гордо пребывать на вершинах, отделяя себя от «плотского» мира, а жертвенно служить одухотворению «плотского» мира, поднятию его на высшие ступени. Да и источник зла – духовный, а не плотский. Церковь справедливо осудила гордыню гностиков, их безнадежный дуализм, их небратское и нелюбовное отношение к миру и людям. Но церковное сознание было обращено, по преимуществу, к среднему, массовому человеку, было занято великим делом его водительства и его спасения, и, осудив гностицизм, оно утвердило и узаконило агностицизм. Самая тема, которая искренне и глубоко волновала гностиков, была признана как бы не христианской, в христианстве

недопустимой и незаконной. Высшие запросы духа, жажда углубленного познания божественных и космических тайн, были приспособлены к среднему человеческому уровню. И гнозис Оригена, а не только Валентина был признан недопустимым и опасным, как ныне признан опасным и недопустимым гнозис Вл. Соловьева. Была создана система теологии, которая закрыла возможности высшего гнозиса. И только великие христианские мистики прорывались за укрепленные границы. Познание старых гностиков было замутненное, несвободно от демонолатрии, в нем христианство было смешано с языческими культами и языческой мудростью. Но возможно высшее христианское познание, более просветленное, познание не исключительно экзотерическое, приспособленное к интересам коллектива, к среднему человеку, как в господствующих системах официальной теологии. В христианстве возможен не только Святой Фома Аквинат, но и Я. Беме, не только митрополит Филарет, но и Вл. Соловьев. Из того, что люди «духовные» не должны гордиться и отделять от себя людей «душевных» и «плотских», не следует, что совсем нет «духовных» людей, нет их запросов духа, их мучительной жажды, нет путей высшего «духовного» знания. Это было бы с противоположного конца разрушением органического иерархизма, который разрушали гностики. Мир очень легко отрицает и извергает высшую духовную жизнь, высшие запросы духа, высшее духовное познание, мир любит говорить, что все это не нужно ему и мешает его делу мироустроения. Мир справа и слева это провозглашает тысячами и миллионами голосов. И ужасно, когда и от церковного сознания исходит то же отрицание духа, которое исходит от государства и которое в предельном полюсе мира – в атеистическом коммунизме превратилось в окончательное истребление духа, духовной жизни, духовного аристократизма. Не угашайте духа. Отрицание проблематики христианского сознания есть угашение духа. Служение всеобщему просветлению мира не требует понижения качества

духа. И прежде всего должна быть поставлена проблема духа и духовной жизни.

Я хотел бы, чтобы верно было понято то, что я хочу выразить в этой книге. Я сознаю, что чего-то самого главного я не умею объяснить и сокровенных мыслей моих не умею развить. Очень трудно найти форму для выражения главной идеи своей жизни. Все, что я пишу в этой книге, связано с мучительной проблематикой духа. По складу своего темперамента я облакаю разом в утверждающую и прикровенную форму свои мучительные вопрошания. Я вопрошаю и ставлю проблемы в форме утверждений. Но *мышление мое во внутреннем существе своем проблематическое*, не скептическое, а проблематическое. В решении этих проблем духа или этой единой проблемы отношения между человеком и Богом не может быть помощи извне. Никакой старец, самый духовный, не мог бы тут помочь. Вся проблема в том и заключается, что я должен сам раскрыть то, что Бог сокрыл от меня. Бог ждет от меня акта свободы, свободного творчества. Моя свобода и мое творчество есть мое послушание сокровенной воле Божьей. Бог иного и большего от человека ждет, чем обычно думают, когда говорят о воле Божьей. Быть может, следовало бы заняться не отвлеченной метафизикой Бога, а конкретной психологией Бога. Вероятно, Бог истекает кровью, видя, как внешне формально и рабски люди понимают Его волю и исполняют ее. Воля Божья должна быть до конца исполнена. Но откуда берется уверенность, что нет воли Божьей, чтобы человек был свободным творцом? Бог, вероятно, любит и тех, которые с ним борются, любит, напр., Ницше.

Книга моя не богословская и не по богословскому методу написана. Она и не школьно-философская. Она принадлежит к философии пророческой в отличие от философии научной, если употреблять терминологию, предлагаемую Ясперсом¹⁸. Я сознательно избегал школьного языка. Это – свободно теософическая книга, книга,

написанная в духе свободной религиозной философии, свободного религиозного гнозиса. В ней сознательно нарушаются границы философского, богословского и мистического познания, которые особенно любит устанавливать западная мысль в своих школьно преобладающих формах, как в школе академической философии, так и в школе католической и протестантской. Я признаю себя христианским теософом в том старом смысле, в каком могут быть названы христианскими теософами Климент Александрийский, Ориген, Св. Григорий Нисский, кардинал Николай Кузанский, Я. Беме, Сен-Мартен, Фр. Баадер, Вл. Соловьев. Все силы моего духа, все силы моего сознания направлены к целостному проникновению в мучающие меня проблемы. И цель моя не столько в систематическом решении этих проблем, сколько в обостренной их постановке перед христианским сознанием. Ни одного слова этой книги не следует понимать, как направленного против святыни Церкви. Я могу очень ошибаться, но воля моя не направлена на создание какой-либо ереси или к протесту, создающему раскол. Я сознаю себя вращающимся в сфере проблематического в христианстве и потому допускающего разнообразные мнения и требующего творческих усилий мысли.

Париж – Кламар, 1927 г.

Православная библиотека – Orthodox Logos

- *Песня церкви - Праведники наших дней* – Артём Перлик
- *Сказки* – Артём перлик
- *Патристика* – Артём Перлик
- *Следом за овцами - Отблески внутреннего царства* – Монахиня Патрикия
- *Откровенные рассказы странника духовному своему отцу*
- *Семь слов о жизни во Христе* – праведный Николай (Кавасила)
- *О молитве* – святитель Игнатий (Брянчанинов)
- *Об умной или внутренней молитве* – преподобный Паисий (Величковский)
- *В помощь кающимся* – святитель Игнатий (Брянчанинов)
- *Христианство по учению преподобного Макария Египетского* – преподобный Иустин (Попович), Челийский
- *Философские пропасти* – преподобный Иустин Челийский (Попович)
- *Священное Предание: Источник Православной веры* – митрополит Каллист (Уэр)
- *Толкование на Евангелие от Матфея* – святой Феофилакт Болгарский, архиепископ Охридский
- *Толкование на Евангелие от Марка* – святой Феофилакт Болгарский, архиепископ Охридский
- *Толкование на Евангелие от Луки* – святой Феофилакт Болгарский, архиепископ Охридский
- *Толкование на Евангелие от Иоанна* – святой Феофилакт Болгарский, архиепископ Охридский
- *Таинство любви* – Павел Евдокимов

- *Мысли о добре и зле* – святитель Николай Сербский (Велимирович)
- *Миссионерские письма* – святитель Николай Сербский (Велимирович)
- *Живой колос* – праведный Иоанн Кронштадтский (Сергиев)
- *Дидахе. Учение Господа, переданное народам через 12 апостолов*
- *Домострой* – протопоп Сильвестр
- *Лествица или Скрижали духовные* – преподобный Иоанн Лествичник
- *Слова подвижнические* – преподобный Исаак Сирин Ниневийский
- *Миссионерские письма* – святитель Николай Сербский (Велимирович)
- *Точное изложение православной веры* – преподобный Иоанн Дамаскин
- *Беседы на псалмы* – святитель Василий Великий
- *Смысл жизни* – Семён Людвигович Франк
- *Философия свободы* – Николай Александрович Бердяев
- *Философия свободного духа* – Николай Александрович Бердяев

Свобода – это больше, чем просто отсутствие ограничений. Это живая связь человека с его духовной природой, источник творчества и силы. Николай Александрович Бердяев, выдающийся русский философ, в своей книге «Философия свободного духа» предлагает уникальный взгляд на природу свободы и её роль в жизни человека. Автор исследует ключевые вопросы человеческого бытия: как преодолеть внутренние ограничения и найти истинное освобождение? Каким образом свобода связана с ответственностью и творческим актом? И каков смысл духовного пути в условиях современного мира?

Эта книга – путеводитель для всех, кто стремится глубже понять себя и свою связь с окружающим миром. Бердяев умело соединяет философскую глубину с доступностью изложения, что делает его размышления актуальными для читателей любого уровня подготовки.

«Философия свободного духа» обращена не только к профессиональным философам, но и к каждому, кто ищет ответы на вопросы, волнующие человечество на протяжении веков. Это произведение побуждает к диалогу, размышлениям и, главное, к поиску истины, которая раскрывается только в процессе духовного самопознания. В мире, полном вызовов и перемен, эта книга становится надёжным ориентиром для тех, кто стремится жить в гармонии с собой и окружающим миром.

